

ОПЕРА длилась крайне недолго, всего несколько минут. Называлась она «Хирург и его ночь» и трактовала удивительную проблему пересадки — аппендикса. Несколько выбитый из колеи, я все-таки успевал записывать фрагменты либретто.

Дует, по-видимому, происходил у окошка регистратуры.

Мужской голос: стоны.

Женский голос: — Что, опять схватки начались?

Мужской: — Да, опять схватки начались.

Женский (в сторону): — Надо спешить! Как бы не помер! Продолжим заполнение медкарты! (К партнеру): Пол?

— Он у меня мужской!

— Национальность?

— Она у меня русская!

— Какими иностранными языками владеете?

— Английским, со словарем...

Иногда мы, впрочем, возвращались к разговору.

— Первая моя проба в песенном жанре оказалась, по-видимому, сокрушительной неудачей — оптимистически повествовал Никита Владимирович. — Драматург Матвей Тевелев тоже впервые взялся за стихи, и мы послали наш общий дебют на конкурс на лучшую советскую песню. Не только премий или призов, но и ответа не последовало.

Я понял: все ясно. Этого я не умею. Я — симфонист, со сложными модернистскими вкусами... А тут песня.

Правда, потом я вдруг услышал ее. Пел Лемешев. Это было «Письмо в Москву». Я удивился очень, удивился бы и еще сильнее, но к тому моменту я уже был песенником.

В 36-м режиссер Вайншток искал композитора для «Острова сокровищ». Шостакович почему-то рекомендовал меня. Я принес нечто немислимо закрученное даже для моей тогдашней манеры. Режиссер деловито пришел в ужас и стал утверждать, будто песней называется то, что поется, желательно — всеми... Я решил попробовать еще раз. Вам что-нибудь запомнилось оттуда?

— «Я на подвиг тебя провожала» и очень памятная с детства «Пиратская».

— Ну, видите, значит, не зря старался. Хотя «Пиратскую» почему-то одно время полюбили, и, на мой взгляд, чересчур, лица в нетрезвом состоянии. Как услышишь, поет человек:

Приятели, смелей, разворачивай парус. Йо-хо-хо, веселись, как черт!.. —

можно и не проверять. Это почему-то отразилось на моей композиторской репутации.

— И вам в самом деле приходилось сталкиваться с такими чересчур уж упрощенными оценками?

— Сколько угодно! Особенно ясны мой вкус и мои пристрастия стали подозрительным критикам после песни «Шаланды, полные кефали...». Им, этим критикам, было невозможно втолковать, что речь идет о персонаже и его вкусах, что герой Бернеса в «Двух бойцах» не может петь, скажем, романса...

— Да, но в «Двух бойцах» прозвучала и знаменитая «Темная ночь». И уж о ней-то никто не мог ничего...

— Вы уверены? Я вот отлично помню, как серьезная критикесса писала: «Темная ночь» уже прочно забылась, но, к сожалению, дала ростки...».

— Насчет ростков судить не могу, я не музыковед, но вот «забылась» — такого периода просто не было. В войну она стала гимном верности, способом пронзить всякую разлуку, как, скажем, симоновское «Жди меня». Именно всякую. Я помню, мне, мальчишке, она всегда вспоминалась, когда я думал об отце, который был в армии, далеко от нас...

— Симонову она и в самом деле нравилась, но вы же спрашиваете о критике...

Я ПРЕПОЛАГАЛ встретиться именно с этим Богословским. Автором многих любимых песен, замечательным лириком, который умеет гражданской теме придать какое-то личное проникновенное

а потом он вдруг играет мою увертюру наизусть. Я даже под рояль заглядывал от удивления. У него была феноменальная память.

Полтора года учения у него дали мне не меньше, чем все последующие годы...

В консерватории был вольнослушателем, зарабатывал, подыгрывая немому кино и физкультуре в клубе.

Композитор должен уметь все, работать во всех жанрах. Другое дело, чем он занят сейчас.

У меня есть и симфонические поэмы, например «Василий Теркин». Там есть фронтовая баня... Надеюсь, понятно и зримо все. вплоть до пара. А вот, например, симфоническая картинка «Старая Одесса».

Воскресные ВСТРЕЧИ

К ВОПРОСУ О МОЛОДОСТИ

У нас в гостях народный артист РСФСР композитор Никита Владимирович БОГОСЛОВСКИЙ. Сегодня ему исполнилось 70 лет.

звучание. Я уже был знаком со словами одного современного музыковеда: «Судьба страны — это людские судьбы. Война с предельной ясностью выразила их неразрывность и прямо выявила возможность сказать об этом с лирических позиций». И знал, что дни сказаны именно о творчестве Богословского.

Но оказалось не так-то просто до всего этого добраться. Никита Владимирович в разговоре охотно уходит от своих знаменитых песен. Он известен сейчас и как популярный юморист, у него уже вышло 4 книжки юмора, и недавно в «Сибирских огнях» появился сатирический роман, посвященный кинематографу. Там, по его словам, обнаружилось сходство персонажей с кое-кем из реального мира кино, и, — со скромной гордостью добавил он, — далеко не все остались довольны. Зато, — сказал он, — мне отдых не нужен, я просто переключаюсь...

Так что меня, казалось бы, не могли удивить его «маленькие оперы в жанре сатиры и юмора», например, «Самсон удалился» — про бюрократу и уже известная нам «Хирург и его ночь». Но что-то все-таки удивляло, и я пока не мог разобраться, что именно.

Никита Владимирович, пытаюсь, наверное, мне помочь, говорил о том, каковы «тонкие, таинственные связи» между музыкой и юмором.

— ...А юмор в музыке — вообще большая редкость. Заведомо он есть у Прокофьева, Шостаковича, Родиона Шедрина. У остальных крупинки встречаются, целые куски уже гораздо реже...

— А как вы вообще начали заниматься музыкой?

— Очень рано — и с отвращением. А лет в 8 потянулся, и сразу к импровизации. Потом было учение у Глазунова. Я ему принес уже оперу, он перелистал ее так быстро и отложил. Я было обиделся,

там настраивание оркестра введено прямо в партитуру. А в середине 1-й скрипач фальшивит. Гобой дает ему «ля». А он никак не может попасть. То выше, то ниже. Оркестр ждет... А в конце типичную партию скрипки играет туба.

В 19 лет я писал «Ревизора». Есть мемуары Хлестакова в доме у городничего — прямо на слова Гоголя. Хотите послушать?

...Я слушаю «карию» опьяневшего Ивана Александровича. И в конце — вдруг что-то современное, почти знакомое...

— Вальсок? — спрашиваю я.

— Румба. Это мне Мейерхольд посоветовал. Чтобы не думали, будто Гоголь замкнут в прошлом веке и исчерпан им...

— А что вам нравилось в работе над песнями?

— Ну в общем-то многое. Например, что их можно писать «на певца», прямо держа его в воображении, уже как бы слыша его любимые интонации.

Ну, например, Бернес...

(И мы наперебой припоминаем: «Любимый город может спать спокойно», «Спят курганы темные...», «Ну, что сказать, мой старый друг...», «Отчего ты мне не встретилась...» (романс Рождина из кинофильма «Разные судьбы»). «Три года ты мне снилась...», «На кораблях ходил три раза в плаванье...», «Темная ночь», «Шаланды, полные кефали...»).

— Или Утесов...

(«...Ой, старушка древняя, ты подружка верная, стой, Маруся, в стороне» — «Песня старого извозчика», «Девка-краса, чудо-коса...», «Налей-ка в походную кружку свои боевые сто грамм...», «Днем и ночью...»).

— Или Лемешев...

(«Помнишь, мама моя, как девчонку чужую...», «Звезда моих полей...», «Где ты, утро раннее...», «Аленушка...»).

— Но тут есть и недостаток, — говорит Никита Владимирович. — Их потом не повторяют другие — боятся соперничать.

НО ЧТО мы все о песнях? Вот недавно исполняли мою VI симфонию...

— Это, так сказать, серьезная музыка? — пытаюсь я нащупать отношение собеседника к разным жанрам.

— Почему? И что такое — «серьезная»? Скучная, что ли? Надеюсь, что нет. Вот II часть, скерцо. Она, правда, длится полторы минуты. Это несколько необычно, не так ли? Но к тому же там нет ни единой моей ноты. Это коллаж. Что вы слышите? Вот Моцарт... Шостакович...

— А вот «Футбольный марш».

— Правильно, Блантер.

— А вот «Вдоль по Питерской». И Дунаевский...

— Не правда ли, таких «коллажей» сейчас немало? А тут «прием» просто доведен до предела.

Каждое произведение должно быть свежим. И — демократичным. Если вам это совместить не удалось — значит, зря старались.

Сейчас легче писать песни для народа. Народ изменился, шире стал слышать. У Фельцмана и Таривердиева есть сложные композиции, «неквадратные» — и ничего, нравятся.

Иногда музыкальная общественность сама отстает от общего мнения. Так, в штыки в свое время встретили «День Победы» Тухманова. Ну тут хоть можно вспомнить характер упреков: «джазовые интонации, синкопы неуместны в такой теме». Уместны, если талантливы!

Так ведь и «Я люблю тебя, жизнь» и «Хотят ли русские войны» Колмановского — тоже не нравились! Теперь уже и не вспомню, почему.

И опять мы давно, лет десять, не принимали в Союз песенников. Почему? Разве Мовсесян, Градский или Мартынов — не композиторы? Кто возьмется это утверждать? На каком основании? У него жанр серьезней? А что он в этом своем жанре создал?

И ВДУРГ я начинаю что-то понимать в опере «Хирург и его ночь». Тут не только критика «нерасторопной медицины». Это, так сказать, одна сторона. Это на поверхности, в сюжете. А вот сами взаимоотношения такого, с позволения сказать, сюжета с серьезной оперной техникой... Вот что неожиданно! Это же пародия на всякую напыщенность, надутость, которая полагает, что может заменить талант и даже важнее его! Это — сама свежесть и молодость музыкального мышления!

(Тут я начинаю опасаться. Дело в том, что Н. В. Богословский очень строг в употреблении слова «молодой». Композитор, допустим, дебютирующий в 40-летнем возрасте, «молодым» называться не может. И нашей газета, в частности, неоднократно от него доставалась за некоторую вольность в обращении с этим словом, вообще-то сейчас принятую. А тут речь идет как-никак о 70-летнем авторе...).

Но что пделаешь, если я слышу молодое, еще неизвестные, острые, юношеские интонации, чувственную молодость в самом подходе ко всему, что принято считать устоявшимся, солидным, серьезным...

Так я размышляю, когда юбиляр вдруг включает мне «Концерт для смеха с оркестром».

Встречался с юбиляром Александр АРОНОВ.

Фото С. ЖАБИНА.